

Песина Светлана Андреевна

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ И ЗНАЧИМОСТЬ ЯЗЫКА В ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Статья посвящена исследованию языка в аналитической философии и отношению к нему феноменологов. Констатируется, что в феноменологии зачастую постулируется существование такого состояния сознания, которое не нуждается в использовании языковых форм, поскольку оно способно непосредственно созерцать сущность предмета. С нашей точки зрения, философскому мышлению присуща не только систематичность, но и глубокое проникновение в естественный язык, посредством которого осуществляется коммуникация и познание окружающего мира.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/2-1/36.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (16): в 2-х ч. Ч. I. С. 151-154. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 130.121

Статья посвящена исследованию языка в аналитической философии и отношению к нему феноменологов. Констатируется, что в феноменологии зачастую постулируется существование такого состояния сознания, которое не нуждается в использовании языковых форм, поскольку оно способно непосредственно созерцать сущность предмета. С нашей точки зрения, философскому мышлению присуща не только систематичность, но и глубокое проникновение в естественный язык, посредством которого осуществляется коммуникация и познание окружающего мира.

Ключевые слова и фразы: феноменология; интенциональность; философия языка; сознание; нозма.

Светлана Андреевна Песина, д. филол. н., проф.
Факультет лингвистики и перевода
Магнитогорский государственный университет
pesin@bk.ru

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ И ЗНАЧИМОСТЬ ЯЗЫКА В ФЕНОМЕНОЛОГИИ©

На современном уровне развития исследований в области философии языка можно наблюдать две основные тенденции – в рамках аналитической традиции и в рамках феноменологии. Исследования в рамках аналитической философии обусловлены изучением функционирования языка как средства коммуникации, прояснением его глубинных логических структур и противопоставлением особенностей его грамматического строя, эксплицируя при этом его смысловое богатство (от Г. Фреге и Л. Витгенштейна к Д. Остину, Д. Серлу и др.). Интерес феноменологов обусловлен интересом к тому, как действительность воспринимается человеком, вопросами деятельности сознания, а значит и функционированием языка, при этом реальность поставляет лишь сырой аморфный материал, подлежащий полной переработке сознанием. Важным в этой связи становится выявление характеристики так называемого «чистого сознания», «чистой субъективности», так как они определяют все возможные формы жизненного мира, а, следовательно, и формы научно-практической деятельности человека. При этом сознание выполняет двойную функцию: оно является одновременно и предметом, и средством аналитической деятельности.

Справедливости ради отметим, что исследовать сознание посредством его же самого – задача несколько увлекательная, настолько же и маловыполнимая, поскольку само по себе чистое сознание – это фикция: «идеация» возможна только на основе реально существующего человеческого сознания. Иными словами, поскольку необходимо поместить себя одновременно в положение объекта исследования, направленного на изучение внутреннего мира человека, и в положение субъекта, изучающего этот мир, природа языка, очевидно, никогда не будет понята до конца.

Принято различать понятия «лингвистическая феноменология» и «феноменология языка». Если лингвистическая феноменология подвергает анализу сам язык как функциональную систему, в пространстве которой исследуется семантическая вариативность слов и целых высказываний, то феноменология языка пытается прояснить «бытийственные» условия самого языка и лингвистической феноменологии в том числе. В этом смысле лингвистическую феноменологию можно расценивать как составную часть феноменологии языка [5, с. 122].

Феноменологи, исследующие функционирование языка, в той же степени, что и аналитические философы, исследуя сознание, обращают основное внимание на те его аспекты, которые участвуют в конституировании значения и смысла Бытия. Так, в феноменологии Э. Гуссерля подлинной проблемой философии признается «смыслополагание мира», а сознание рассматривается в качестве единственного «поля придания смысла» [2].

Э. Гуссерль предлагает «трансцендентальную феноменологию» как универсальную философию, способную предоставить инструмент для методологической ревизии всех наук. В духе традиции немецкого идеализма он предпринял попытку поиска некоего Абсолюта, являющегося основанием любого знания. Как и Декарт, он предполагает, что есть нечто, называемое сознанием, которое продолжало бы существовать, даже если бы не было ничего другого, и которое не есть «естественный объект», поскольку не является частью предмета какой-либо эмпирической науки. Вместе с тем, в противоположность Декарту, феноменология углубилась в решение задач по раскрытию бесконечного поля трансцендентального опыта.

При всем том, что приостанавливается суждение о всяком трансцендентном акте сознания, все же остаются «имманентные» акты, имеющие свои объекты в себе самих. То есть имеются акты сознания, объектом которых является нечто, что само по себе есть «модус сознания» – акты, которые существовали бы, даже если бы исчезло все, кроме сознания. При этом объекты рассматриваются только в зависимости от Абсолюта – сознания, тем самым сохраняется чистота и достоверность исследования. Отбиваясь в обвинении в солипсизме, Гуссерль настаивает на том, что отправной точкой является сознание вообще, а не индивидуальное сознание.

С целью осуществления научно-аналитического осмысления процесса мышления Э. Гуссерль вводит понятие нозмы или нозматы – смысловой единицы восприятия, роль которых существенна, так как именно в них концентрируются итоги познавательной деятельности человека. Совокупность нозм образует тот

идеальный мир научного знания, который дает возможность понимать друг друга. Хотя сама нозма может меняться под влиянием ноэтической деятельности сознания, тем не менее в ней всегда существует смысловое ядро, которое позволяет нозме быть идентичной несмотря на уточнение и изменение отдельных ее аспектов.

Понятие нозмы или то, что мыслится, переживается, о чем судится, на что направлено сознание, можно противопоставить денотату во фрегевской трактовке. Наделенность смыслом, полагаемость, переживаемость – важнейшие черты нозмы, подчеркивающие, по Гуссерлю, ее отличие от физической вещи. Интенциональный объект, находясь в пределах сознания, является субъектом суждения, он и репрезентирует в сознании то, что обычно в логике называют предметностью мышления. Нозма и есть тот референт (денотат), который соответствует предметному имени, это интенциональный объект. Следовательно, не только смысл, но и полагаемый этим смыслом денотат (нозма) находится в пределах сознания. Оставаясь в пределах языка, высказываемого смысла, мы всегда имеем дело с нозмами.

Следует сразу определиться в терминах: в когнитивистике исследуется концепт как квант структурированного знания, который, как и нозма, предполагает идеальное содержание, включающее мыслительные конфигурации множества взаимосвязанных объектов и явлений, имеющих некий смысл в процессе отражения в сознании знаний человека о фактах реального мира. В отличие от нозм концепты – это эмоционально и стилистически окрашенные сущности, содержащие компоненты субъективного характера, национально и культурно обусловлены [6, с. 301–311]. Нозма лишена этих качеств, поскольку тяготеет к инвариантам и абстракциям.

Смысловое истолкование в феноменологии осуществляется на основе метода интенционального анализа сознания, который непосредственно связан с методом созерцания сущности и с эйдетическим анализом. Это специфическая деятельность, предполагающая прояснение и истолкование сознанием предметного смысла. Субъективные реальности (смыслы) интенциональны, вследствие чего исследователь вместо ограниченного числа опредмеченных идеальных конструкций должен иметь дело с неограниченным горизонтом опредмеченных смыслов.

В своих описаниях Гуссерль, как известно, использует термин и общую идею, взятую из «Psychologie» Ф. Brentano, но для Гуссерля, в отличие от Brentano, термин «интенция» означает нечто большее, чем направленность сознания на предмет, свойство переживать, соотносительность с объектом или то, что позволяет типизировать психологические феномены. Гуссерль видит в интенциональной референции не простое отношение, а комплексную структуру, в которой данные используются как исходный материал и затем интегрируются в целостный объект, образующий стержень всей референции.

Дж. Серль, в отличие от Э. Гуссерля, считает интенциональность свойством человеческого организма, а не мышления: «Подлинная интенциональность есть феномен, который присущ людям и некоторым другим животным как часть их биологической природы. И дело не в том, как они используются, или как они думают о самих себе, или как они предпочитают описывать самих себя» [7, с. 89]. Дж. Серль возражает физиологам и некоторым другим теоретикам сознания, которые доказывают возможность существования *вообще*, независимо от ее отнесенности к субъекту *самим этим субъектом*. Эти теоретики, например, считают, что когда мы говорим: «Серль хочет пить», то мы высказываем интенциональное суждение, поскольку говорим об интенциональном акте Серла. Но это говорит только о нашем интенциональном акте, поскольку самого Серла может в это время и не быть [Там же]. Как можно видеть, имеет место ограничение области интенциональности только суждениями о самосознании, т.е. когда человек говорит о собственных ментальных состояниях.

Учение об интенциональности интересует нас с точки зрения возможного упорядочения объектов. В совокупности всех интенциональных объектов можно выделить некий центр, тогда объекты можно оценить на предмет того, насколько близко или далеко тот или иной из них находится от центра. В результате упорядочения «ближе – дальше от центра» объекты разделяются на центральные и периферийные, т.е. мир феноменов перестает быть «плоским» и обретают «глубину». Следует заметить, что оппозиция «ближе – дальше» трактуется феноменологами гораздо более широко, чем только в пространственном смысле. Пространственное «ближе – дальше» – это лишь одно из отдельных проявлений данной оппозиции. Исследователи интенциональности в феноменологии отмечают, что граница между центром и периферией не является четко очерченной: центр и периферия плавно переходят друг в друга [8, с. 53].

Что касается периферийной части нозмы, то в нее включаются такие интенции сознания, которые выражают различные аспекты личного отношения к тому интенциональному объекту, который непосредственно дается нам в текущий момент интуициями. Так, в периферийной части нозмы Э. Гуссерль выделяет, прежде всего, слой суждения: мы можем судить о таких интенциональных объектах, как наши поступки, которые могут быть в разной степени разумны. В периферийную часть нозмы входит также слой желания. В периферию входят объекты, в которых Я не заинтересован. Таким образом, периферия имеет слоистый характер. Этой области приблизительно соответствует выделяемая Хайдеггером область «наличных» вещей.

Мы исходим из понимания того, что интерсубъективность немыслима без учета языка, поскольку мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом, благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества. Бытие может быть исследовано, в том числе, через язык, в котором имеет место предварительное схематизирование мира. Язык не безразличен к процессу обозначения предметов и выражения понятий, он пронизывает мысль, заставляя носителей разных языков по-разному истолковывать реальность. Феноменологический анализ, предполагающий исследование отдельных смысловых структур языковых выражений должен «базироваться на определенной теории языка, а не рассматриваться в качестве полностью независимого от тех или иных теоретических построений» [1, с. 137].

Несмотря на то, что анализ intersубъективности опирается, главным образом, на процессы «вечувствования», в которых язык являлся ведущим средством и условием установления intersубъективных отношений, следует с большой долей сожаления признать, что для Э. Гуссерля проблема intersубъективности так и не послужила стимулом для более всестороннего исследования языка. По всей видимости, трансцендентальный солипсизм, на котором основана intersубъективность, не позволил Гуссерлю понять истинное значение языка при анализе проблем intersубъективности. Отсюда язык в феноменологии Гуссерля оказался в явно подчиненном положении к логике, поэтому им недооценивались как раз те функции языка, которые лежат в основе общественно-практической деятельности человека.

В действительности же, философскому мышлению присуща не только систематичность, но и глубокое проникновение в естественный язык, посредством которого осуществляется познание окружающего мира. В настоящее время сосуществуют традиционный (логико-рационалистический) подход к проблеме знаний и когнитивный подход, связанный с общенаучным «поворотом к человеку», с вытекающими отсюда следствиями [6]. Языковая коммуникация только в простейших ситуациях осуществляется в рамках строгих правил, но и в этих случаях чаще можно обойтись без языка вообще (в особенности, если язык понимать широко – не только его вербальную часть, но прагматику и стилистику, включая мимику, жесты, умолчание и т.д., точнее, все, что позволяет человеку трансцендировать, то есть преодолевать свои состояния и усваивать новые значения).

Чаще всего ситуации общения, которые побуждают человека к языковой практике, к творческому, проблематичному, рискованному языковому акту, окружены полисемическим облаком коннотаций, метафор, ассоциаций, аналогий и аллегорий, которые зачастую создают живой контекст непонимания. При этом слова языка функционируют в туманном облаке многообразных контекстов, выполняя функцию обозначения и коммуникации как символы, требующие для своего понимания и использования дополнительной деятельности – интерпретации. Эта символичность придает слову таинственность, а содержащему в нем смыслу сокровенность и сакральность: «не простая информативность, а аффективная суггестивность – вот что ожидается от слова, взятого в пределе, в его наивысшей ипостаси» [4, с. 23].

Тот факт, что intersубъективные, эмоционально-оценочные и коннотативные компоненты не учитываются в феноменологии, возможно, является проявлением односторонности этого подхода: мысль, не сопровождаемая эмоциями, бесплодна, поскольку в чистом виде разум не существует, его питают эмоции. Каждое воспринимаемое слово, жест, запах, вкус, образ тотчас же интерпретируются чувствами. Более того, процесс запоминания нового происходит, как правило, на фоне позитивного или негативного, но достаточно сильного эмоционального импульса, который «открывает двери» в новую область нейронных связей. То есть, языковые процессы, как и мышление, тесно связаны с работой чувственных и эмоционально-экспрессивных анализаторов, задействованных в качестве эффективных опор в процессе закрепления языковой информации из потока впечатлений и сохранения их в памяти.

Необходимо отметить, что в более поздних работах взгляды феноменологов все же обращаются к конкретному субъекту, пользующемуся языком, и к intersубъективным функциям языка. Обращение к проблемам жизненного мира (признание правоты позиции здравого смысла) дало возможность феноменологам рассмотреть язык не только как средство межличностного общения, но и как важное орудие научного исследования. В этом отношении характерна работа Э. Гуссерля «О происхождении геометрии», которая может служить образцом феноменологического анализа смысловой истории развития научных понятий [3]. В ней Э. Гуссерль поднимает проблему о том, посредством чего научное знание вообще и геометрическое знание в частности получает возможность стать общезначимым. Почему, первоначально возникнув в индивидуальном сознании, научное знание, тем не менее, становится intersубъективным. Анализ этой проблемы приводит Э. Гуссерля к выводу о том, что такая возможность появляется благодаря языку, с помощью которого человек познает не только себя и окружающий мир, но и способен передавать свои знания другим.

Последователи Гуссерля в большей степени учитывают языковой фактор, рассматривая язык как необходимый компонент горизонта жизненного мира, как средство познания и интерпретации окружающего мира. В частности, намеченная М. Хайдеггером задача в исследовании языка заключается в том, чтобы, исходя из современного состояния языка, реконструировать его генезис [9]. Это значит, что intersубъективная значимость языка должна быть понята на основе рефлексии о структурах intersубъективности, которые предопределяют его характер и законы его функционирования. Онтология *Dasein*, как учение о конституирующих его экзистенциалах, должна предоставить методологический базис для онтологии языка.

Итак, на основе вышеизложенного можно заключить, что, с одной стороны, язык необходим, поскольку без него невозможно феноменологическое описание, но, с другой стороны, в феноменологии постулируется существование такого состояния сознания, которое не нуждается в использовании языковых форм, ибо оно способно непосредственно созерцать сущность предмета. Подобное двойственное отношение к языку характерно не только для философии Гуссерля, но и для феноменологического движения в целом. Исключительное значение языка признается только в сфере intersубъективных отношений, в сфере же интенциональной деятельности индивидуального сознания роль языка все еще игнорируется, поскольку он подлежит редуцированию при достижении феноменологической установки. Проблема состоит в том, что результат созерцания сущности предмета должен быть в конечном итоге каким-то образом выражен вовне, а это вряд ли возможно без использования языка.

Список литературы

1. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: ВГУ, 1996.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009. Т. 1.
3. Гуссерль Э. Логические исследования. М.: ДИК, 2001. Т. 2.
4. Касавин И. Т. Язык повседневности: между логикой и феноменологией // Вопросы философии. 2003. № 5. С. 14-30.
5. Кребель И. А. Феноменологическое определение языка в перспективе развития философского знания XXI века // Перспективы философии и философского образования в XXI веке: материалы летней философской школы. Новосибирск, 2002. С. 119-123.
6. Песина С. А. Слово в когнитивном аспекте: монография. М.: Наука, 2011.
7. Серль Д. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002.
8. Слинин Я. А. Феноменология intersubjectivity. СПб.: Наука, 2004.
9. Хайдеггер М. Язык. СПб.: ЭЙДОС, 1991.

LANGUAGE INTENTIONALITY AND SIGNIFICANCE IN PHENOMENOLOGY

Svetlana Andreevna Pesina, Doctor in Philology, Professor
Faculty of Linguistics and Translation
Magnitogorsk State University
pesin@bk.ru

The author considers language in analytic philosophy as well as phenomenologists' attitude to it, shows that in phenomenology the existence of such consciousness state is often postulated that does not require the use of linguistic forms as it can directly contemplate subject essence, and substantiates that not only systematic nature is inherent to philosophical thinking, but also the deep insight into natural language, by means of which the communication and cognition of the world around are carried out.

Key words and phrases: phenomenology; intentionality; philosophy of language; consciousness; noema.

УДК 167.12

Статья концентрирует внимание на весьма актуальной и непростой проблеме философии и методологии науки – взаимодействии биологического и гуманитарного знания. По данной проблеме, с одной стороны, нет недостатка в специальной литературе, но, с другой стороны, автор поднимает её в свете и через призму социобиологической теории, которая ставит эту проблематику в наиболее острой, но в то же время потенциально плодотворной форме. Автор статьи использует для её анализа материалы великопленной работы Э. О. Уилсона – основоположника социобиологии – «О природе человека». Она, равно как, собственно, и все другие работы Э. О. Уилсона, у нас до сих пор, к сожалению, не переведена.

Ключевые слова и фразы: биологическое знание; общественные науки; социобиология; взаимодействие дисциплины и антидисциплины; диалектический синтез.

Сергей Григорьевич Пилецкий, к. филос. н., доцент
Кафедра истории и философии
Ярославская государственная медицинская академия
SergeyPiletsky@yandex.ru

Э. О. УИЛСОН О ДИСЦИПЛИНЕ И АНТИДИСЦИПЛИНЕ©

Начать, пожалуй, следует с представления: Эдвард Осборн Уилсон – это выдающийся энтомолог, а точнее даже – всемирно известный философствующий биолог, лауреат многочисленных премий и наград, в том числе двух Пулитцеровских премий (за книги «О природе человека» и «Муравьи») и Тайлеровской премии по экологии (за книгу «Биофилия»). Прочсть, правда, какое-либо из уилсоновских произведений на русском языке не удастся, поскольку ни одна из его книг не переведена. А очень жаль: много там весьма ценного и по биологии, и по философии, и по философии биологии. Более того, есть там кое-что чрезвычайно любопытное и по методологии науки. Но прежде чем указать, что именно, давайте хоть вскользь вспомним предысторию.

Главная «проблема» Эдварда Осборна Уилсона с точки зрения нашего к нему (по крайней мере – официального) отношения была в том, что он выступил своего рода «буревестником» революции. Во-первых, все его основные работы, в том числе и мной указанные, были написаны с середины 70-х и по весь наш «перестроечный» период включительно. Более того, все напряжённые идеологические баталии относительно и вокруг социобиологии и социобиологов (а в отношении самого Уилсона – особенно) как раз и велись с середины 70-х и по весь наш «перестроечный» период включительно. Так что в самом